

А. С. ШИШКОВ

Рассуждение о старом и новом слоге русского языка

<...>

В некоторой книжке случилось мне прочитать следующий вопрос: *отчего в России мало авторских талантов?*¹ Сочинитель, рассуждая о сем, между прочим, говорит:

«Хотя талант есть вдохновение природы, однакож ему должно развиваться² и созреть от постоянных упражнений. Автору надобно иметь не только собственно так называемое дарование, — то есть какую-то особенную деятельность душевных способностей, — но и многие исторические сведения, ум, образованный логикою, тонкий вкус и знание света. Сколько время (правильнее времени) потребно единственно на то, чтобы совершенно овладеть духом языка своего? Вольтер³ сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. (А мы во всю жизнь учась чужому и не заглядывая в свой, хотим быть писателями!) Нам Русским еще более труда, нежели другим. Француз, прочитав Монтаня⁴, Паскаля⁵, пять или шесть авторов века Людовика XIV, Вольтера, Руссо⁶, Томаса⁷, Мармонтеля⁸, может совершенно узнать язык свой во всех формах — (во всех родах, я думаю); — но мы, прочитав множество церковных и светских книг, соберем только материальное или словесное богатство языка, которое ожидает души и красок от художника. (На сие мнение не во всем согласиться можно: мне кажется, ежели француз, прочитав Монтаня, Паскаля, Вольтера, может совершенно узнать язык свой, то и мы, прочитав множество церковных и светских книг, то же самое узнать можем; ибо если нынешние французы учатся у Монтаней, Паскалей, Вольтеров, то и Монтани, Паскали, Вольтеры у кого-нибудь также учились. Писатели по различным да-

рованиям и склонностям своим избирают себе род писания: иной трубу, другой свирель; но без знания языка никто ни в каком роде словесности не прославится. Писателю надлежит необходимо соединить в себе природное дарование и глубокое знание языка своего: первое снабдевает его изобилием и выбором мыслей, второе изобилием и выбором слов. Писать без дарования, будешь Тредьяковский *⁹; писать без знания языка, будешь нынешний писатель. Конечно, без разума, утвержденного науками, хотя бы кто и все церковные светские книги прочитал, он приучил бы токмо слух свой к простому звуку слов, нимало не обогащающему рассудка нашего, и, следовательно, не собрал бы никакого ни *умственного*, ни *словесного* богатства. Но тот, кто, имея острый ум, прочитает их с рассуждением и приобретет из них познание в краткости, силе и красоте слога; то почему же сей не сделается тем художником, который всему изображаемому дает душу и краски? Я думаю совсем напротив: французы не могли из духовных книг своих столько заимствовать, сколько мы из своих можем: слог в них величествен, краток, силен, богат; сравните их с французскими духовными писаниями и вы тотчас увидите. Надлежит токмо отрясть от себя мрак предрассудка и не лениться почерпать из сего неистощаемого источника.) *Истинных писателей было у нас еще так мало, что не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные мысли.* (Превосходных писателей в разных родах, конечно, было у нас мало; но светских, а не духовных; и первых мало оттого, что не читают они последних. Я не говорю, чтоб могли мы из духовных книг почерпнуть все роды светских писаний; но кто при остроте ума и природных дарованиях будет в языке своем и красноречии силен, тот по всякому пути, какой токмо изберет себе, пойдет достолепно. Есть у нас много великих образцов, но мы не знаем их и потому не умеем подражать им. Между тем и в светских писателях имеем мы довольно примеров: лирика, равного Ломоносову ¹⁰, конечно, нет во Франции: Мальгерб ¹¹ и Руссо ¹² их далеко уступают ему; откуда же брал он образцы и примеры? Природа одарила его разумом, науки распространили его понятия, но кто снабдил его силою слова? Если бы Сумароков ¹³ познанием языка своего обогатил себя

* Я разумею о стихотворстве Тредьяковского; что ж принадлежит до исторических переводов его и писаний в прозе, оные отнюдь не должны почитаться наравне с его стихами.

столько же, как Ломоносов, он бы, может быть, при остроте ума своего, в сатирических сочинениях не уступил Буалу¹⁴, в трагических Расину¹⁵, в притчах ла Фонтеню *¹⁶. Вольно нам на чужих, даже и посредственных писателей, смотреть завидными глазами, а своих и хороших презирать. Что ж принадлежит до сего мнения, что авторы наши не *успели обогатить слов новыми идеями*, то разве говорится сие о прежних авторах, а нынешние в том весьма успели! Из великого множества приведенных в сем сочинении выше и ниже примеров ясно видеть можно, какую приятность и какое приращение получил язык наш!¹⁷) *Русский кандидат авторства* (вот и доказательство тому!), *недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык*. (Этот способ узнавать язык всех легче.) *Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас¹⁸ по-французски!* (Стыдно и жаль, да пособить нечем. Река течет, и все, что в ней, плывет с нею. А виноваты писатели. Молиер¹⁹ многие безрассудные во Франции обычаи умел сделать смешными!) *Милые дамы, которых надлежало бы только подслушать, чтобы украсить роман или комедию любезными счастливыми выражениями, пленяют нас не Русскими фразами*. (Милые дамы, или по нашему грубому языку женщины, барыни, барышни, редко бывают сочинительницами, и так пусть их говорят, как хотят. А вот несносно, когда господа писатели дерут уши наши не Русскими фразами!) *Что ж остается делать автору?* (Учиться Русской, а не французской грамоте.) *Выдумывать, сочинять выражения?* (Кто без прилежного в языке своем упражнения станет выдумывать, сочинять выражения, тот похож будет на того, который говорит во сне.) *Угадывать лучший выбор слов?* (Надлежит о словах рассуждать и основываться на коренном знаменовании оных, а не угадывать их; ибо если писатель сам угадывать будет слова и заставит читателя угадывать их, то и родится из сего нынешний невразумительный образ писания.) *Давать старым некоторый новый смысл?* (Прочитайте приложенный ниже сего опыт словаря, вы увидите, что мы знаменования многих коренных слов не знаем, и когда мы, не зная настоящего знаменования их, станем давать им новые смыслы, заимствуя оные из французских слов,

* Притчи и эклоги всего более украшаются простотою слога и выражений; но прочие сочинения требуют возвышенных мыслей. Сумароков родился быть стихотворцем, но природное дарование его не подкреплено было прилежным упражнением в языке своем и глубоким знанием оного <...>

то выйдет ли из сего, как я в начале сего сочинения помощью кругов толковал, что мы часть Е своего круга истреблять, а часть D чужого круга распространять и умножать будем. Такowymi средствами достигнем ли мы до того, чтоб быть хорошими писателями? Напротив, доведем язык свой до совершенного упадка. Истина сия не подвержена ни малейшему сомнению, что чем больше будем мы думать о французском языке, тем меньше будем знать свой собственный.) *Предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражений.* (Я совсем не понимаю, в чем состоит сие искусство обманывать читателей и какая нужда предлагать выражения в новой связи? Великие писатели изобретают, украшают, обогащают язык новыми понятиями; но *предлагать выражения в новой связи*, мне кажется, не иное что значить может, как располагать речи наши по свойству и складу чужого языка, думая, что в этом состоит новость, приятность, обогащение. Если мы так рассуждать будем, то почто ж жалуемся, что везде у нас говорят по-французски? Лучше говорить по-французски, нежели русским языком по-французски писать.) *Мудрено ли, что сочинители некоторых русских комедий и романов не победили сей великой трудности* (какой трудности? Той, чтоб писать новою никому не понятною связью и сделать, чтоб ее все понимали? Подлинно это великая трудность и достойная того, чтоб потеть над нею! Славный Дон Кишот не боролся ли с ветряными мельницами, желая победить их?) *и что светские дамы не имеют терпения слушать или читать их, находя, что так не говорят люди со вкусом? Если спросите у них: как же говорить должно? То всякая из них отвечает: не знаю, но это грубо, несносно!* (Не спрашивайте ни у светских дам, ни у монахинь, и зачем у них спрашивать, когда они говорят: не знаю?) — *Одним словом, французский язык весь в книгах, со всеми красотами²⁰ и тенями, как в живописных картинах, а русский только отчасти?* (Источник русского языка также в книгах, которых мы не читаем, и хотим, чтоб он был не в наших, а во французских книгах.) Французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом. (Расинов язык не тот, которым все говорят, иначе всякий был бы Расин. Ломоносова языком никому говорить не стыдно. Бедные русские! Они должны молчать до тех пор, покуда родится человек с талантом, который напишет, как им говорить должно!) *Бюффон²¹ странным образом изъясняет свойство великого таланта или Гения, говоря, что он есть терпение в превосходной степени.*

Но если хорошенько подумаем, то едва ли не согласимся с ним; по крайней мере без редкого терпения Гений не может воссиять во всей своей лучезарности. Работа есть условие искусства; охота и возможность преодолевать²² трудности есть характер таланта. Бюффон и Ж. Ж. Руссо пленяют нас сильным и живописным слогом: мы знаем от них самих, чего им стоила пальма красноречия! Теперь спрашиваю: кому у нас сражаться с великою трудностью быть хорошим автором, если и самое счастливейшее дарование имеет на себе жесткую кору, стираемую единственно постоянною работою? Кому у нас десять, двадцать лет рыться в книгах, быть наблюдателем, всегдашним учеником, писать и бросать в огонь написанное, чтобы из пепла родилось что-нибудь лучшее? (Что до этой трудности принадлежит, то она конечно велика, и когда мы к сей великой трудности прибавим еще великую легкость переводить с чужого языка слова и речи, не зная своего: тогда и доберемся до истинной причины, отчего у нас так мало авторских талантов и так много худых писателей, которые портят и безобразят язык свой, не чувствуя того и приемля нелепости за красоту.) В России более других учатся дворяне; но долго ли? До пятнадцати лет: тут время идти в службу, время искать чинов, сего вернейшего способа быть предметом уважения. Мы начинаем только любить чтение (полно, не перестаем ли?). Имя хорошего автора еще не имеет у нас такой цены, как в других землях; надобно при случае объявить другое право на улыбку вежливости и ласки. К тому же искание чинов не мешает балам, ужинам, праздникам; а жизнь авторская любит частое уединение. Молодые люди среднего состояния, которые учатся, также спешат выйти из школы или университета, чтобы в гражданской или военной службе получить награду за их успехи в науках; а те немногие, которые остаются в ученом состоянии, редко имеют случай узнать свет. — Без чего трудно писателю образовать вкус свой, как бы он учен ни был. Все французские писатели, служащие образцом тонкости и приятности в слоге, переправляли, так сказать, школьную свою реторику в свете, наблюдая, что ему нравится и почему? (Французские писатели познавали и исправляли погрешности свои от суждения об них других писателей; Вольтер судил Корнелия²³ и Расина, Лагарп²⁴ рассматривал Вольтера и так далее. Всякой из них один на другого делал свои замечания, доказывал, что в нем худо и что хорошо, разбирал каждый стих его, каждую речь, каждое слово. Сверх сего многие и самые лучшие писатели поправляли сами себя, и в новых изданиях их все сии

перемены напечатаны так, что читатель, с великою для себя пользою, может сличать старую и новую мысль сочинителя. Отсюда рождался общий свет для всех, язык получал определение и чистоту, словесность процветала. Но мы где рассуждали о сочинениях своих? Мы только твердим о Боннетах²⁵, Томсонах²⁶, Жан-Жаках; а про своих не говорим ни слова, и если когда начнем судить об них, то отнюдь не с тем, чтоб подробным рассматриванием слога и выражений их принести пользу словесности; но чтоб просто, без всяких доказательств, побранить писателя или чтоб показать похвальное достоинство свое, заключающееся в презрении к языку своему). *Правда, что он, будучи школою для авторов, может быть и гробом дарования: дает вкус, но отнимает трудолюбие, необходимое для великих и надежных успехов. Счастлив, кто слушая Сирен, перенимает их волшебные мелодии, но может удалиться, когда захочет! Иначе мы останемся при одних куплетах и мадригалах. Надобно заглядывать в общество — непременно, по крайней мере в некоторые лета, — но жить в кабинете.* (Все сие отчасти может быть справедливо, но я не полагаю сего главным препятствием прозябению талантов. Если бы дворяне наши, хотя и до пятнадцати лет, но учились более русской, нежели французской грамоте, и если бы в сие время положено в них было достаточное к познанию языка своего основание, тогда служба не мешала бы им обогащаться дальнейшими в том приобретениями; получа охоту и знание, нашли бы они время, когда обращаться с женщинами в обществе и когда дома сидеть за книгами. Имя хорошего писателя сделалось бы у нас в таком уважении, как и у других народов. Но когда мы от самой колыбели своей вместе с молоком сосем в себя любовь к французскому и презрение к своему языку, то каких можем ожидать талантов, какого процветания словесности, каких редких произведений ума? Кто впоплину захочет двадцать лет рыться в книгах, писать и бросать в огонь свои сочинения, доколе не почувствует их достойными изданиями в свет, когда ясно видит, что попечение его будет тщетно; что и читателей таких мало, которые бы двадцатилетний труд его могли распознавать с единолетним; и что к совершенному упадку прекрасного языка нашего от часу более распространяется зараза называть некую чуждую и не свойственную нам нескладницу приятностью слога и элегансом?)»

<...>

Меркурий²⁷ говорит про меня, что я с удивительным терпением рассмотрел несколько сотен дурных фраз: рассмотрим и здесь с тем же удивительным терпением еще несколько сотен

изрыгнутых против книги моей несправедливых его толков и обвинений. Он на с. 189 говорит:

«Всего неприятнее видеть фразы господина К...²⁸, перемешанные в сей книге с фразами ученическими, и писателя, которому наша словесность так много обязана, поставленного наравне с другими. По счастью, всеобщее и отличное к нему уважение, которого он ежедневно получает новые доказательства, не зависят от мнения одного человека. Г. К... сделал эпоху в истории русского языка. Так мы думаем, и, сколько нам известно, так думает публика. Сочинитель рассуждения о слоге думает иначе: но, противореча мнению всеобщему, надлежало, кажется, говорить не столь утвердительно; надлежало вспомнить, что один человек может ошибиться; а тысячи, когда судят по вещам очевидным, редко ошибаются. Г. Карамзин сделался известным всему ученому свету; его сочинения переведены на разные языки и приняты везде с величайшею похвалою: как патриоты мы должны бы радоваться славе, которую соотечественник наш приобретает у народов чужестранных, а не стараться затмить ее!

Что отвечать на сие Цицероново²⁹ за Архия³⁰ слово? * Кто устоит противу силы сего неоспоримого доказательства: мы, издатель московского Меркурия, так думаем, следовательно, вся публика, весь свет, так думает? Чем опровергнуть сей неопровергаемый довод: Сочинитель рассуждения о слоге не может судить по вещам очевидным, и потому ошибается; а я, издатель Московского Меркурия, сужу по вещам очевидным, и потому не ошибаюсь? Какое логическое заключение может быть справедливее сего: сочинитель рассуждения о слоге один; а я, издатель Московского Меркурия, хотя, один же, однако именем многих тысяч человек, именем всех славных и великих нынешних писателей, именем всех европейских народов, именем всего ученого света, утверждаю, что он противуречит всеобщему мнению и что книга его никуда не годится? Оставим

* «Лициний Архий родился в Антиохии. Стихотворческие дарования приобрели ему уважение многих знаменитых римлян. Но некто Гратий оспаривал у него право римского гражданства. Цицерон, который пользовался его наставлениями, говорил при сем случае речь в его защищение. Дело само по себе было весьма ясно и не требовало многих доказательств. Оратор мог уверить в справедливости одного несколькими периодами. Но желание говорить о пользе и приятности словесных наук увлекло его к отступлению, которое, по содержанию своему, ныне приятнее для нас самого главного предмета» (Толмачев, проф. Речь Цицерона за Архия // Журнал древней и новой словесности (СПб.) 1818. № 1. С. 3—14).

сии яснейшие солнца истины и скажем только о том, о чем необходимо сказать должно. Меркурий упоминает здесь о господине К..., которого я лично не имею чести знать, и как сочинитель сам не есть сочиненная им книга, то, по долгу уважения к именам людей и не считал бы я себя вправе входить о нем в какие-либо рассуждения или толки, если бы не вынужден к тому был издателем Меркурия, который говорит, что я фразы сего писателя поставил наравне со фразами ученическими. Я нигде в книге моей не говорил о господине К... и не только никого не назвал в ней по имени, но даже и о заглавии тех книг, из которых выбрал я несвойственные языку нашему речи, отнюдь не упомянул. Следовательно, с моей стороны самым строжайшим образом соблюдена была вся возможная скромность. Что ж принадлежит до того, что издатель Меркурия укоряет меня, для чего я речи сии напечатал, поставляя мне в вину, что, хотя о сочинителях их и не сказано, однако *всякий из них узнает свои*, то, во-первых, я сего не сделал, так бы мне и доказательств моих составить было не из чего и книга моя не могла бы существовать. Поелику вся цель ее состоит в том, чтобы показать, каким образом, прилепляясь к чужому языку и удаляясь от своего собственного, портим мы оный. Во-вторых, читая журналы, я не обязан справляться, чья эта сказочка или чья эта песенка; да хотя бы в заглавии книги и поставлено было имя сочинителя, то и тогда не имя его за книгу, но книга сама за себя отвечать долженствует. Пускай в сочинениях моих находят погрешности против чистоты слога и языка; я рад буду, когда кто меня в том поправит. Вздорному и бессмысленному суждению я смеяться стану, но справедливое и дельное приму с благодарностью *. Итак, если в вышеупомянутых собранных в книге моей примерах и попались некоторые

* Издатель «Меркурия» на странице 192 говорит: *«Пускай другие хвалят критику; а по-нашему критика есть дело весьма неприятное! Мы сами не один раз жалели, что принялись за сей журнал. Не один раз думали: какая надобность была огорчать людей, может быть, добрых и почтенных? Какая надобность была искать славы Фрерона, которого имя Вольтер умел сделать обидным?»* — Издатель «Меркурия» рассказывает здесь и спрашивает, какая надобность была ему искать славы Фрерона; но кто же об этом может лучше знать, как не он сам? Впрочем, мне кажется, никакие Вольтеры не могли бы делать людей Фреронами, когда бы не сами они сочинениями своими делали себя таковыми. Благонмеренное рассматривание книг и замечание погрешностей для извлечения из оного пользы есть отнюдь не предосудительное дело и не долженствующее никого огорчить. <...>

речения писателя впрочем достойного и почтенного, то хотя я и весьма о том сожалею, однако ж надеясь на благосклонность моих читателей, в том числе и на сего самого писателя, если он удостоит меня прочесть, уповаю, что не все они согласно с издателем Московского Меркурия поставят мне это в такое преступление, как будто бы оскорбил я нечто священное и недостойн уже, чтоб земля меня носила. Сам издатель Меркурия, говоря о Ломоносове, ссылается на стих:

И в солнце, и в луне есть темные места.

Почему же не могу я сослаться на тот же стих, говоря о ком бы то ни было? Я сам могу находить слог его приятным и многие места в сочинениях его читать с удовольствием, но если бы в иных и не был я с ним согласен, так из сего не следует еще кричать на меня: *как ты осмелился найти нечто худое в писателе, известном всему ученому свету! Ты один, а нас тысячи! Наше мнение есть мнение всеобщее!* — Государи мои! Сколько б вас ни было, сотни или тысячи, но в словесности дела решаются не по числу голосов*. Я не указываю ни на кого лично, не говорю ни о какой сделанной в истории русского языка эпохе, но рассуждаю вообще, что если она сделана, так это не очень худо; ибо если *сделать эпоху* значит *произвести некоторую перемену в слоге*, то в книге моей пространно и ясно показано, какая перемена воспоследовала с языком нашим и что мы, наполняя слог свой чужезычием, не токмо от истинного красноречия удаляемся, то и совсем невразумительны становимся.
<...>

* В книге моей я называю нынешними писателями худых писателей, которые безобразят слог свой новым, доселе несслыханным чужезычием, как и сам Меркурий говорит, что у нас их много. Прочие же писатели, которые украшают ныне словесность нашу, потому не идут под сие название, что они пишут обыкновенным чистым и хорошим русским слогами. <...>